

Научная статья

УДК 070 + 81'22 + 80

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-99-108

Персоносфера современных медиа: Маяковский глазами «постнауки» и массовой культуры

Максим Юрьевич Маркасов

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

markasovmaksim7@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0614-9431>

Аннотация

Статья посвящена вопросу популяризации научных знаний, образующих свою медиасферу, и их трансмедийной «мутации». Рассматриваются медиаперсона Владимира Маяковского и связанные с ним мифы: «любовник», «самоубийца», «пропагандист», «бунтарь» и др. Отмечается, что историческая или литературная персона в зависимости от эпохи или политической конъюнктуры свободно меняет свой аксиологический статус. В настоящее время Маяковский представляет собой мем, шаблон, знак, выражающий современные стереотипы массового сознания. В статье говорится о таких медиа и медиаплатформах, как «Арзамас», «Русская семерка», «Яндекс.Дзен», на которых представлены разнообразные по ориентации на адресата, по стилистике и соотношению с фактами материалы: от претендующих на литературоведческие и школьно-методические тексты до откровенных фейков. Делается вывод о том, что в целях привлечения массового потребителя такие статьи строятся по принципу когнитивного диссонанса как одного из наиболее эффективных способов производства «смыслов» для эксплуатации массового сознания: в случае Маяковского сталкиваются противоположные, взаимоисключающие представления о нем.

Ключевые слова

персоносфера, «постнаука», трансмедийные преобразования, массмедиа, медиаплатформа, массовая культура, медиаобраз, популяризация, фейк, Маяковский

Для цитирования

Маркасов М. Ю. Персоносфера современных медиа: Маяковский глазами «постнауки» и массовой культуры // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 99–108. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-99-108

Persona of Modern Media: Mayakovsky through the Eyes of “Post-Science” and Mass Culture

Maxim Yu. Markasov

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

markasovmaksim7@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0614-9431>

Abstract

The article studies the issue of popularization of scientific knowledge that forms its own media sphere, and their transmedia “mutation”. The article examines Vladimir Mayakovsky’s characters and related myths: “lover”, “suicide”, “propagandist”, “rebel”, etc. It is noted that a historical or literary persona, depending on the era or political situation, freely changes its axiological status. Currently, Mayakovsky is a meme, a template, a sign that expresses modern ste-

© Маркасов М. Ю., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 6: Журналистика. С. 99–108
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 99–108

reotypes of mass consciousness. The article talks about such media and media platforms as “Arzamas”, “Russian Seven”, “Yandex.Zen”, which presents a variety of materials in orientation to the addressee, in style and correlation with facts: from those claiming to be literary and school-methodical texts to frank fakes. It is concluded that in order to attract a mass consumer, such articles are built on the principle of cognitive dissonance, as it is one of the most effective ways of producing “meanings” for the exploitation of mass consciousness. In the case of Mayakovsky, there is collision of opposite, mutually exclusive ideas about him.

Keywords

persosphere, “post-science”, transmedia transformations, mass media, media platform, mass culture, media image, popularization, fake, Mayakovsky

For citation

Markasov M. Yu. Persona of Modern Media: Mayakovsky through the Eyes of “Post-Science” and Mass Culture. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 6: Journalism, pp. 99–108. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-6-99-108

Сформированность медиапространства нового типа – уже неоспоримый факт и реальность: мы давно живем в условиях информационного разнообразия и трансформации функций традиционных СМИ. На множестве медийных платформ представлено невероятное количество текстов, которые условно можно было бы назвать «научно-популярными». В парадигме постмодерна и метамодерна в научном тезаурусе появились и стали почти повсеместно общеупотребительными такие слова, как «постправда», «постистина», «постпамять», «постфольклор». В этот же ряд можно включить и понятие «постнаука», которое используется, скорее, не как устоявшийся термин, а обозначает глобальный информационный ресурс (ПостНаука – именно в таком написании), «проект о современной фундаментальной науке и ученых, которые ее создают, о популяризации научных знаний»¹. Технические знания в СССР поощрялись. С гуманитарными науками дело обстояло намного сложнее, так как в советское время приоритет отдавался иным специализациям, а гуманитарные области (прежде всего история и литература) выполняли идеологическую и пропагандистскую функции. С начала 1990-х в сферу нетехнических знаний хлынул поток разнообразного контента. Сейчас, по мнению С. М. Шакирова, «популяризация научных знаний вступает в стадию трансмедиальных преобразований. Традиционные жанры лекции, научной статьи, научно-популярного фильма, радиопередачи сменяются образовательными онлайн курсами и просветительскими “эдьютеймент” <...> ресурсами» [Шакиров, 2018, с. 38].

Один из основных признаков современных текстов, размещаемых в виртуальном пространстве, – анонимность: наряду с традиционными авторскими текстами Интернет заполнен огромным количеством безымянных материалов. В данной статье нас интересует не столько стиль и авторство, сколько некий коллективный транслирующий логос, создающий «смыслы», имеющие при всём различии общую основу. И этот анонимный дискурс обладает специфической чертой: каждый публикующийся старается эксплицировать свое «я», почувствовать себя Автором. В свою очередь, пользователи хотят почувствовать себя концепированными Читателями. Происходит своеобразная коммуникация, в основе обсуждения лежит околонукальная теория или культурный концепт: каждый из коммуникантов мыслит себя компетентным в той области, которая обсуждается. И если у технических и естественнонаучных знаний статус, как правило, сакральный: они мыслятся как область «не для всех», то культурные и исторические представляются как сфера общих интересов, доступная для понимания каждым. Большинство интернет-ресурсов, популяризирующих науку, можно разделить, на наш взгляд, на три типа в зависимости от характера реципиента: а) авторизованные и имеющие просветительскую направленность в классическом понимании этого слова («Арзамас», «ПостНаука», «Антропогенез.ру»); б) ориентированные на среднюю аудиторию; в) направленные на «низового» потребителя, наиболее благодатного в плане восприятия самых нелепых стереотипов массового сознания и заблуждений. Ресурсы, относящиеся к первому типу, свою популяризаторскую функцию в целом выполняют. Их способы организации

¹ <https://ru.wikipedia.org/wiki/ПостНаука> (дата обращения 05.07.2021).

научного материала напоминают систему методических приемов к уроку литературы: тот же «перевод» научного контента на язык неконцептированного читателя, использование визуальных и графических приемов привлечения внимания аудитории, драматизация и часто театрализация излагаемого, усиление и порой гиперболизация повествовательной инстанции. В какой-то степени научный текст начинает существовать по законам текста художественного, а повествователь превращается если не в автора, то в «человека играющего», конструирующего контекст.

Для реализации этого контекста необходим материал, некая общая картина мира. В парадигме национальной культуры необходим и набор персон, эту картину наполняющих. Для носителя массового сознания это, прежде всего, исторические лица: политики, правители, военачальники, аферисты, художники, актеры, поэты, писатели. Для потребителя важен набор стереотипов, чаще всего касающихся биографических фактов той или иной творческой личности, которыми с разной степенью мастерства манипулирует автор публикации, привлекая и удерживая внимание реципиента. В 1997 г. выходит словарь Ю. С. Степанова, в котором автор предлагает уже существующий в лингвистике термин «концепт» и формулирует понятие константы как «<...> концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время, <...> некий постоянный принцип культуры» [2001, с. 84]. В 2002 г. профессор Г. Г. Хазагеров формулирует понятие персоносферы, которое он определяет так: «сфера персоналий, образов, сфера литературных, исторических, фольклорных, религиозных персонажей» [2002, с. 133]. Далее термин получает теоретическое обоснование в целом ряде работ гуманитарной направленности. Так, Л. П. Гекман определяет персоносферу национальной культуры как «<...> феномен, составляющий количественно-качественный уровень интеллектосферы, некий персонализированный хронотоп, представляющий культурный синкрет образа-персоналии, времени и пространства его объективации» [2007, с. 51]. Безусловно, национальная персоносфера выполняет множество функций, в том числе «выступает системой ценностных координат и инструментом самоидентификации личности и общества, <...> дает возможность идентифицировать политические, социальные, этические категории, закрепляя их за конкретными образами <...>» [Отургашева, 2017, с. 151–152]. Вместе с тем если персоносфера является инструментом самоидентификации, то она может быть использована в качестве эффективного средства манипуляции массовым сознанием: историческая или литературная персона в зависимости от эпохи или политической конъюнктуры свободно меняет свой аксиологический статус. Более того, этот аксиологический статус часто зависит от набора стереотипов, сформированных или формируемых массовым сознанием при прямом воздействии СМИ.

В ряду исторических фигур особое место занимают писатели, в России имеющие привилегированное положение «властителей дум» и «нравственных ориентиров». Последний стереотип наиболее эффективно и повсеместно эксплуатируется массмедиа: отыскивание и демонстрация «грехов» писателя вызывает огромный интерес и бурный всплеск эмоций у аудитории и порождает реакцию потребителя и массовый «спрос» на такие публикации. Как удачно выразился В. А. Капцев, «роман писателя с властью закончился, начинается его новый роман со СМИ» [2014, с. 30], имея в виду, конечно, медийный имидж художника современного. Однако и литературные, и исторические персоны прошедших эпох продолжают жить в сознании реципиента в виде медиафигур, образуя свою семиосферу.

В ряду таких «имиджей» – поэт Владимир Маяковский. Безусловно, поэта «проходят» в школе, поэтому он и включен в ряд медийных персон, которые у всех на слуху. Владимир Маяковский сейчас, впрочем, как и весь пантеон литературных небожителей, – это, скорее, мем, шаблон, знак совсем иной реальности.

Образ Маяковского (именно образ) в критике и литературоведении переживает как минимум четыре «перевоплощения». Первое: Маяковский при жизни, «вокруг творчества [которого] шли споры, нередко принимавшие форму острейшей не только литературной, но идейной полемики» [Ушаков, 2008, с. 7]. Второе – посмертное и самое знаменитое, когда

Маяковский был объявлен Сталиным «лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи», после которого его стали «вводить принудительно, как картофель при Екатерине» (Пастернак) и создавать, по выражению В. Ф. Маркова, «<...> горы никому не нужной чепухи» [Марков, 2000, с. 270]. После крушения советской идеологии Маяковский закономерно попадает под мощный обстрел критики, так как прочно ассоциируется с десятилетиями тоталитарного режима, который он воспевал (третье «перевоплощение»). Пожалуй, самыми знаковыми работами, начавшими реинтерпретацию Маяковского, являются книга Ю. Карабчиевского [1990] и статья А. К. Жолковского [1994]. И четвертое «воскресение» поэта – современное представление о нем, которое в связи превращением недавней идеологии в историю, в принципе, свободно от ангажированности: Маяковский занял место в ряду классиков, «забронзовев» вторично. Серьезное (неидеологизированное) литературоведение, от крупных исследований (монографий Н. И. Харджиева [Харджиев, Тренин, 1970], В. Н. Альфонсова [1984], М. Вайскопфа [2003], Л. Ф. Кациса [2000] и др.) до отдельных статей, в принципе, канонизировало поэта, включив его в список классиков. Кроме того, за последние годы опубликовано огромное число воспоминаний, беллетристики, архивов следственных дел, – всё это сопоставимо с объемом той «горы чепухи», которая была создана за годы советской власти. Но в массовом сознании Маяковский, безусловно, предстает перед реципиентом в специфическом свете. Именно такой Маяковский нас и интересует.

Оригинальный подход к трансформации научного текста в «дидактический» мы наблюдаем у Михаила Трунина, публикующегося на «Арзамасе». Материал «Маяковский от А до Я» представляет собой коллаж из 28 слов, по одному на букву алфавита, из которых вырисовывается портрет Маяковского². В тексте «Азбуки» даны 28 биографических и творческих факта из жизни Маяковского, соотнесенные с каким-то ключевым словом, начинающимся на одну из букв русского алфавита. Нужно заметить, что занимательность строится, прежде всего, на необычности событий и авторском отборе материала для презентации. Например: **За-граница.** Именно из Парижа Маяковский привез автомобиль «Рено» в подарок Лиле Брик, сделав ее одной из первых женщин-москвичек за рулем. Случай с «Рено» – факт, скрываемый в советское время, по крайней мере от широкой публики, становится расхожим в публикациях популяризаторских сегодня. Суть такой презентации в данном случае не в предоставлении читателю фактов и не в научной интерпретации, а в форме композиционного расположения материала и удачно сконструированном нарративе. В тексте Михаила Трунина много иллюстраций плакатов и рекламы, созданных Маяковским, и фото, которые также гармонично включены в повествование. В конце материала даны ссылки на источники, легитимизирующие научное знание. В итоге Маяковский предстает перед читателем «как живой», немифологизированный. Впрочем, подобный характер презентации материала напоминает игровые способы, используемые в школьной методике преподавания литературы, так как «процесс восприятия есть процесс превращения реального читателя в читателя концепированного» [Жорман, 1992, с. 127]. В «Арзамасе» размещены еще две публикации на тему «Маяковский»: «Маяковский для продвинутых. 15 отличных стихотворений, которые обычно не читают в школе» Геннадия Обатнина³ и «Взлеты и падения Маяковского. От “мерзости” до “лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи”» Виктории Буяновской⁴, в которых подбор текстов самого поэта, фактов его жизни и литературоведческой рефлексии также скомпонован компетентными исследователями. Интересен в плане подачи материала проект «Арзамаса», названный «Инструкции»: «Как написать русскую литературу: 14 инструкций» (как написать «Горе от ума», «Евгения Онегина», рассказ Чехова и т. д.). В «просвещенческом» духе созданы и многие лекции, уроки и книги Дмитрия Быкова⁵.

² <https://arzamas.academy/materials/736> (дата обращения 05.07.2021).

³ <https://arzamas.academy/materials/688> (дата обращения 05.07.2021).

⁴ <https://arzamas.academy/materials/738> (дата обращения 05.07.2021).

⁵ Быков Д. Л. 13-й апостол. Маяковский: Трагедия-буфф в шести действиях. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2016. 827 [5] с.

Иным представляется интернет-ресурс «Русская семерка», рассчитанный на менее взыскательного читателя. Особенность – краткость и лаконичность текстов, но достаточно плотная насыщенность фактами. Это позволяет публиковать огромное количество материалов практически на любые популярные темы: «Русская семерка» – своего рода электронный дайджест. В основном эти публикации анонимны, но встречаются и подписанные. Кроме того, информационные ресурсы разбиты на многочисленные рубрики. По своей стилистике и референциальности тексты очень разнообразны: от распространяющих заведомые стереотипы до упрощенного, но всё же компетентного литературоведческого подхода. О Маяковском представлено около 10–15 текстов, которые также распределены по рубрикам: «Криминал», «Биография», «История», «Психология». На самом деле текстов, посвященных Маяковскому, на ресурсе намного меньше, так как одинаковые по содержанию, они имеют разные или слегка измененные названия и иногда отличаются начальной иллюстрацией. Внимание привлекает распределение тематики по рубрикам: естественно, информация о смерти поэта отнесена к разделу «Криминал», а материал «Мизофобия: почему Маяковский боялся прикасаться к людям»⁶ – к «Психологии». В последней статье можно увидеть отголоски постструктуралистского подхода к литературно-биографическим фактам. И. П. Смирнов определяет эпоху авангарда как «садоавангард»: «Даже при самом беглом взгляде на эстетическую практику зарождающегося авангарда, нельзя не заметить, что она далеко превосходит литературу любой из предшествующих эпох по склонности к оправданию насилия, принуждения, жестокости, разрушительности – всего того, что и научное, и повседневное сознание подразумевает обычно под “садизмом”» [Смирнов, 1994, с. 182]. Читаем в «Русской семерке»: *современники поэта не раз отмечали, что он страдал болезненной брезгливостью и буквально до судорог боялся подцепить какую-нибудь опасную инфекцию. Как это зачастую бывает, причиной развития фобии послужила глубинная детская травма. Зимой 1906 года, когда будущему великому поэту было 12 лет, его отец Владимир Константинович внезапно скончался от заражения крови. Сравним у И. П. Смирнова: «Маяковский (= подтип активного садиста) потерял в возрасте тринадцати лет отца (умершего от заражения крови после того, как он укололся булавкой) и остался единственным мужчиной в семье, состоявшей из матери и двух сестер. Заняв таким путем позицию отца, Маяковский был вынужден ограничить себя мыслью о том, что деструкция во внешнем мире (смерть главы семьи) есть основоположный способ, ведущий к власти над объектами (женщинами в семье) [Там же, с. 200]. С конца XX в. такая методика интерпретации становится популярной в научных кругах, в развлекательных же публикациях она получает крайне упрощенный вид и служит, скорее, способом привлечь внимание читателя к «сомнительной» теме. Акцент в данном случае делается на несоответствии идеализированного представления о классиках как о стерильных в нравственном отношении личностях, сформированного прежде всего отечественной средней школой и потоком материалов, ставших доступными массовому читателю в последнее время и деконструирующих такое представление. Когнитивный диссонанс – один из наиболее эффективных механизмов производства «смыслов» для эксплуатации массового сознания. Впрочем, какие-то взаимосвязи фобии с творчеством, как это делают аналитики-постструктуралисты, кроме разве что процитированной известной стихотворной строки про певца кипяченой воды и врага сырой, автором материала не устанавливаются, интерпретация отсутствует.*

Одна из самых, пожалуй, распространенных мифологем, связанных с Маяковским, – его самоубийство. В годы идеологической трактовки творчества поэта факт суицида, конечно, не мог быть скрыт, поэтому в школьных учебниках и в газетных статьях по этому поводу сообщалось что-то невразумительное, внимание на этом факте не акцентировалось. В «Русской семерке» представлено несколько материалов, посвященных самоубийству поэта, однако на самом деле это один текст с разными названиями и разными фото, в котором собраны известные факты: «Владимир Маяковский: тайна смерти советского поэта № 1», «Почему по-

⁶ <https://russian7.ru/post/mizofobiya-pochemu-mayakovskiy-bojalsya-p> (дата обращения 05.07.2021).

кончил с собой Владимир Маяковский», «Зачем Владимир Маяковский покончил с собой», «Тайна смерти Владимира Маяковского» и т. д. с различными вариациями. Безусловно, тема самоубийства поэта – эксплуатация интереса массового читателя к загадочному, тайному, которое, как обещают заголовки, будет «раскрыто» именно на этом информационном ресурсе, и, конечно, читателя привлекает тот же конфликт «стерильного» и «безнравственного», о котором говорилось выше, а перестановка слов в заглавиях напоминает процесс подбора рецептивно более привлекательного заголовка. Можно сказать, что в «Русской семерке» тексты не столько информативны, сколько суггестивны и мифологичны. Мифологема «самоубийство Маяковского», как и мифологема смерти Гоголя, «являет собой совокупность представлений массового сознания о писателе как о культурном герое» [Колмакова, 2018, с. 36]. Кстати, О. А. Колмакова отмечает, что при запросе «Мифы о Гоголе» ссылка на «Русскую семерку» появляется одной из первых. Массовое сознание умеет моментально и специфически перерабатывать такие факты: «Объективное знание о писателе, зафиксированное официальной наукой, нередко вытесняется субъективным, формируемым на основе домыслов и вольных интерпретаций подлинных фактов его биографии. Субъективное мифологизированное знание становится достоянием массового сознания и объективируется в форме элементов биографического сюжета – мифологем» [Там же]. Более того, литературоведческая практика демифологизации научных догм редуцируется в популяризаторском тексте до формулы, которую можно представить как «вот что, оказывается, было на самом деле».

Особый «жанр» современных медиа – комментарии пользователей, часто представляющие собой либо категоричные утверждения, противоречащие элементарной логике, либо грубые провокации, причем авторская позиция в данном случае – абсолютная убежденность в правдоподобии приводимых фактов: *Маяковский родом из Тбилиси и вступил в партию там. В этой же партиячке состоял и Сталин. Сталин ценил творчество Маяковского. В одной из типографий Москвы был готов к выпуску сборник стихов поэта. Как только директор типографии узнал о трагедии, он ночью (!) позвонил Сталину и спросил о том, что делать со сборником. Сталин сказал, что Маяковский – самый великий поэт из поэтов. Наутро сборник поступил в продажу с этой цитатой от Сталина на титульном листе* (историко-развлекательный канал «Мир истории») ⁷. Такой же по популярности мифологемой, как и самоубийство, пожалуй, является «любовь Маяковского», которая также обыгрывается за счет манипуляций с формулировками названий: «Лиля Брик: какой была жена Маяковского», «Что сделала Лиля Брик для русского авангарда», «Лиля Брик: что нужно знать о “музе русского авангарда”» и др.

Популяризаторский дискурс не избегает, а, наоборот, поощряет распространение различного рода фейков, самые известные из которых – «цветы от Маяковского» и несколько стихотворений «под Маяковского». Первый фейк о доставляемых Татьяне Яковлевой в течение 40 лет после смерти поэта цветах, оплаченных им, строится на мелодраматическом, эмоциональном нарративе и легко опровергается: слишком фантастические подробности использованы для построения этого сюжета – и размер гонорара, которого не хватило бы на столько лет, и неназванная цветочная фирма, и тот факт, что возлюбленная Маяковского впоследствии жила в Америке, а цветы доставляли в Париж. В Интернете вариантов изложений этой истории огромное множество, они выстраиваются в длинный своеобразный диалог пользователей, по сути, «ни о чем» ⁸. Сама Татьяна Яковлева упоминает лишь о цветах, присылаемых ей Маяковским еще при его жизни в течение всего нескольких месяцев по воскресеньям [Яковлева, Катанян, 1993; Янгфельдт, 2009, с. 449]. Тем не менее эти фейки продолжают функционировать. К подобного рода контенту относятся и стихотворения, якобы принадлежащие перу Маяковского (например, «Вы любите розы...») и распространяемые еще в уст-

⁷ https://zen.yandex.ru/media/history_world/pochemu-maiakovskii-sovershil-samoubiistvo-5b5606c2050fd400a9295207. Орфография и пунктуация сохранены авторские (дата обращения 05.07.2021).

⁸ В силу многочисленности подобного контента мы не приводим все ссылки, а только одну из них: <https://www.kp.ru/daily/27263/4396831/> (дата обращения 05.07.2021).

ном варианте в позднесоветское время. Это истории из разряда так называемых городских бесписьменных легенд, которым посвящена целая книга [Архипова, Кирзюк, 2020]. Ранее, в условиях отсутствия Интернета и, соответственно, возможности публикации подобных виршей, эти стихи достаточно широко расходились именно в подростковой среде, знаменуя собой такой способ карнавального низвержения не столько самих поэтов, сколько представления о них. Другое дело, что эти тексты городского фольклора в наше время приобрели письменную форму, став объектом обсуждений в Интернете. Тексты, кстати, весьма грубо стилизованы и примитивно построены, а почему они функционируют как некий феномен – это тема отдельной статьи.

В последнее время читательским спросом пользуется «Яндекс.Дзен». Это не канал, по ряду признаков его сложно отнести к социальной сети, и это даже не «платформа для блогеров» (вопреки заявлению разработчиков) в привычном понимании, а некое безграничное интернет-пространство, объединяющее под вышеназванной эмблемой публикации любого характера, тематики и идеологии, характеризующееся анонимностью авторов. Такое явление сложно назвать научпопом, скорее, это «эволюционировавший» в сторону чистой развлекательности научпоп на современном этапе. Хотя, думается, что цели авторов – это не только зарабатывание денег, желание развлекать читателя, но и выступить неким посвященным, транслирующим знание. С. М. Шакиров, предлагая классификацию «дзеновских» материалов («списки», «факты», «поводы» и «цитаты»), справедливо утверждает, что «нарратив ориентирован не на интерпретацию исходного объекта, на продвижение контента» [2019, с. 138]. Название медиапроекта выбрано вполне остроумно и, возможно, иронично: дзен как восточное учение точно передает характер материалов «Яндекс.Дзена» – это и передача знания не через тексты (рассматриваемые нами можно назвать «квазистатьями»), и практика надеяния (минималистический характер), и мир как иллюзия (иллюзорность, имитация научности), и разнообразие явлений миропорядка (огромный спектр тематики), и, конечно, антилогос – своего рода профанный, масскультурный вариант антилогоцентризма, проявляющийся прежде всего в распространении фейковой информации. Безусловно, материалы, представленные в «Дзене», разнообразны по своему качеству и интеллектуальной составляющей, но нас интересует не выяснение, кто писал и чем руководствовался, не стиль и даже не способы привлечения аудитории, а некий коллективный логос (или антилогос), деиндивидуализированный дискурс. Как реакция на вопрос, оставленный анонимным комментатором: «Кто пишет все эти убогие материалы на каналах Яндекс.Дзен с диким количеством ошибок и откровенно ворованным контентом <...>?» – в одном из комментариев зафиксировано интересное высказывание, передающее, как нам кажется, суть «загадочности» этой медиаплатформы: <...> кто читает как раз понятно, срез потребителя представить легко, а вот производитель для меня загадка⁹. В качестве «коллективного» продукта «коллективного» производителя рассмотрим материал «О стихотворении Маяковского “Товарищу Нетте, пароходу и человеку”»¹⁰. По своему духу – это, скорее, школьное сочинение, изобилующее речевыми клише советского учебника по литературе и стилистическими несуразностями: *Почти каждый знаком с Владимиром Владимировичем Маяковским. Его творчество оказало огромное влияние на направление отечественной литературы XX века. Владимир Владимирович – поистине гениальный поэт, который стремился писать глубокие и красивые стихотворения языком, понятным каждому.* Отметим элементарный синтаксис и наивно-реалистическую интерпретацию: *Стихотворение построено на параллели личности Теодора Нетте и парохода, названного в его честь; Теодор очень ответственно относился к своей работе, постоянно был в напряжении.* Далее следует, занимая половину «статьи», рассказ о героической смерти Теодора Нетте. Вот, собственно, и всё.

Историческая или литературная персона имеет свой аксиологический статус, пластичный и подвижный: любой культурный герой легко может служить разным, иногда противореча-

⁹ https://yandex.ru/q/question/kto_pishet_vse_eti_ubogie_materialy_na_5379000 (дата обращения 05.07.2021).

¹⁰ <https://zen.yandex.ru/media> (дата обращения 05.07.2021).

щим, идеологическим силам. В массовом сознании Маяковский подобен лирическому герою своей поэмы «Облако в штанах», в которой он меняет облики и ипостаси: он и бунтарь, и пропагандист, и самоубийца, и сентиментальный любовник, и «школьный поэт», и личность, страдающая фобиями, и пошляк-матерщинник (стихотворения «под Маяковского»). С другой стороны, медиаобраз – это всегда редуцированный образ, сведенный до понимания среднестатистическим потребителем массовой культуры и сконструированный прежде всего по принципу когнитивного диссонанса, потому можем предположить, что перечисленными выше «масками» Маяковский, в принципе, и ограничивается.

Список литературы

- Альфонсов В. Н.** Нам слово нужно для жизни: В поэтическом мире Маяковского. Л.: Сов. писатель, 1984. 247 с.
- Архипова А., Кирзюк А.** Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР. М.: НЛЮ, 2020. 536 с.
- Вайскопф М.** Птица-тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов. М.: НЛЮ, 2003. 576 с.
- Гекман Л. П.** Теогонические генеалогии как персонифера традиционной культуры (опыт социокультурной интерпретации) // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 4 (7). С. 51–54.
- Жолковский А. К.** О гении и злодействе, о бабе и о всероссийском масштабе (Прогулки по Маяковскому) // Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука, 1994. С. 247–275.
- Капцев В. А.** Трансформация образа современного писателя: от общественного статуса к медийному имиджу. Минск: Изд-во БГУ, 2014. 120 с.
- Карабчиевский Ю. А.** Воскресение Маяковского. М.: Сов. писатель, 1990. 222 с.
- Кацис Л. Ф.** Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. М.: Языки русской культуры, 2000. 776 с.
- Колмакова О. А.** Трансформация мифа о Гоголе в повести А. Королева «Голова Гоголя» // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2018. Т. 1, № 2. С. 36–41.
- Корман Б. О.** Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 236 с.
- Марков В. Ф.** История русского футуризма / Пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останина. СПб.: Алетейя, 2000. 438 с.
- Отургашева М. Р.** Персонифера российского студенчества: опыт лингвокультурологического анализа // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 1. С. 151–160.
- Смирнов И. П.** Психодиахронология: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.: НЛЮ, 1994. 352 с.
- Степанов Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
- Ушаков А. М.** Маяковский – вчера и сегодня (Вместо предисловия) // Творчество В. В. Маяковского в начале XXI века: Новые задачи и пути исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 7–38.
- Хаззагерев Г.** Персонифера русской культуры // Новый мир. 2002. № 1. С. 133–145.
- Харджиев Н. И., Тренин В. В.** Поэтическая культура Маяковского. М.: Искусство, 1970. 328 с.
- Шакиров С. М.** Деформация содержания литературного дискурса при его трансмедиальном преобразовании // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 2 (28). С. 38–45.
- Шакиров С. М.** Литература в формате нарратива (анализ публикаций сервиса персональных рекомендаций ЯндексДзен) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 1 (31). С. 129–140.

- Яковлева Т., Катанян В.** Татьяна Яковлева о Маяковском и о себе // Вопросы литературы. 1993. № 4. С. 199–217.
- Янгфельдт Б.** Ставка – жизнь. Владимир Маяковский и его круг / Пер. со швед. А. Лавруши, Б. Янгфельдта. М.: КоЛибри, 2009. 640 с.

References

- Alfonsov V. N.** Nam slovo nuzhno dlya zhizni: V poeticheskom mire Mayakovskogo [We need a word for life: In the poetic world of Mayakovsky]. Leningrad, Sovetskii pisatel', 1984, 247 p. (in Russ.)
- Arhipova A., Kirzyuk A.** Opasnye sovetskie veshchi. Gorodskie legendy i strahi v SSSR [Dangerous Soviet things. Urban legends and fears in the USSR]. Moscow, New Literary Review, 2020, 536 p. (in Russ.)
- Gekman L. P.** Teogonicheskie genealogii kak personosfera tradicionnoi kul'tury (opyt sotsiokul'turnoi interpretatsii) [Theogonic genealogies as the personosphere of traditional culture (the experience of socio-cultural interpretation)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2007, no. 4 (7), pp. 51–54. (in Russ.)
- Jangfeldt B.** Stavka – zhizn'. Vladimir Mayakovsky i ego krug [The bet is life. Vladimir Mayakovsky and his circle]. Transl. from Swed. by A. Lavrushy, B. Jangfdt. Moscow, KoLibri, 2009, 640 p. (in Russ.)
- Kaptsev V. A.** Transformatsiya obraza sovremennogo pisatelya: ot obshchestvennogo statusa k mediinomu imidzhu [Transformation of the image of a modern writer: from social status to media image]. Minsk, BSU Press, 2014, 120 p. (in Russ.)
- Karabchievsky Yu. A.** Voskresenie Mayakovskogo [Resurrection of Mayakovsky]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1990, 222 p. (in Russ.)
- Katsis L. F.** Vladimir Mayakovsky: Poet v intellektual'nom kontekste epokhi [Vladimir Mayakovsky: Poet in the intellectual context of the era]. Moscow, Languages of Russian Culture, 2000, 776 p. (in Russ.)
- Khardzhiev N. I., Trenin V. V.** Poeticheskaya kul'tura Mayakovskogo [Mayakovsky's poetic culture]. Moscow, Iskusstvo, 1970, 328 p. (in Russ.)
- Khazagerov G.** Personosfera russkoi kul'tury [Personosphere of Russian culture]. *Novyj mir* [New World], 2002, no. 1, pp. 133–145. (in Russ.)
- Kolmakova O. A.** Transformatsiya mifa o Gogole v povesti A. Koroleva “Golova Gogolya” [Transformation of the myth about Gogol in A. Korolyov's story “Gogol's Head”]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2018, vol. 1, no. 2, pp. 36–41. (in Russ.)
- Korman B. O.** Izbrannye trudy po teorii i istorii literatury [Selected works on the theory and history of literature]. Izhevsk, Udmurt Uni. Press, 1992, 236 p. (in Russ.)
- Markov V. F.** Istoriya russkogo futurizma [History of Russian Futurism]. Transl. from Eng. by V. Kucheryavkin, B. Ostanin. St. Petersburg, Aletejya, 2000, 438 p. (in Russ.)
- Oturgasheva M. R.** Personosfera rossiiskogo studenchestva: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza [The personosphere of Russian students: the experience of linguoculturological analysis]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice]. 2017, no. 1, pp. 151–160. (in Russ.)
- Shakirov S. M.** Deformatsiya sodержaniya literaturnogo diskursa pri ego transmedial'nom preobrazovanii [Deformation of the content of literary discourse during its transmedial transformation]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: Problematic Field of Media Education], 2018, no. 2 (28), pp. 38–45. (in Russ.)
- Shakirov S. M.** Literatura v formate narrativa (analiz publikatsii servisa personal'nykh rekomendatsii Yandeks.Dzen) [Literature in Narrative Format (Analysis of Yandex.Zen Personal Rec-

- ommendation Service Publications)]. *Znak: Problemnoe Pole Mediaobrazovaniya* [*Sign: Problematic Field of Media Education*], 2019, no. 1 (31), pp. 129–140. (in Russ.)
- Smirnov I. P.** Psikhodiakhronologika: Psikhistoriya russkoi literatury ot romantizma do nashikh dnei [Psychodiachronology: Psychohistory of Russian Literature from Romanticism to the Present Day]. Moscow, New Literary Review, 1994, 352 p. (in Russ.)
- Stepanov Yu. S.** Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 2nd ed., corr. and enlar. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2001, 990 p. (in Russ.)
- Ushakov A. M.** Mayakovsky – vchera i segodnya (Vmesto predisloviya) [Mayakovsky – yesterday and today (Instead of a preface)]. In: *Tvorchestvo V. V. Mayakovskogo v nachale XXI veka: Novye zadachi i puti issledovaniya* [Creativity of V. V. Mayakovsky at the beginning of the 21st century: New tasks and ways of research]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2008, pp. 7–38. (in Russ.)
- Vajskopf M.** Ptitsa-troika i kolesnitsa dushi: Raboty 1978–2003 godov [The Three Bird and the Chariot of the Soul: Works of 1978–2003]. Moscow, New Literary Review, 2003, 576 p. (in Russ.)
- Yakovleva T., Katanyan V.** Tat'yana Yakovleva o Mayakovskom i o sebe [Tatyana Yakovleva about Mayakovsky and about herself]. *Voprosy literatury* [*Questions of Literature*], 1993, no. 4, pp. 199–217. (in Russ.)
- Zholkovsky A. K.** O genii i zlodeistve, o babe i o vserossiiskom masshtabe (Progulki po Mayakovskomu) [About genius and villainy, about a woman and about the all-Russian scale (Walks along Mayakovsky)]. In: *Bluzhdayushchie sny i drugie raboty* [Wandering dreams and other works]. Moscow, Nauka, 1994, pp. 247–275. (in Russ.)

Информация об авторе

Максим Юрьевич Маркасов, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Maxim Yu. Markasov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 15.12.2021;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 05.02.2022
The article was submitted 15.12.2021;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 05.03.2022*